

Путь на Амальтею

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Путь на Амальтею

Аркадий и Борис Стругацкие

Аркадий и Борис Стругацкие

Путь на Альматею

ПРОЛОГ

Амальтея, «Джей-станция»

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта через каждые тринадцать с половиной часов.

Восход Юпитера – это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна обледенелая равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце – круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными, и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодрома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полузабытые ассоциации, и хочется сбегать на поле и пройтись по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево – экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасит звезды на черном небе. И вдруг оно наползает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент. Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и наконец из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, – ровный вишневый диск на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет – это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева на полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошечные белые точки – так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удается редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать. Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор «Джей-станции» поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника – красноватая Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернеющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода – это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтее представляла собой научный городок в несколько горизонтов, вырубленный в толще льда и залитый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтее почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надут водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами – он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернул в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в

последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радиовали о катастрофе с продовольствием. Продовольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случилось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи, на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в жилые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное – хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный серый, немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

– Дядя Валнога! – окликнул кто-то. – На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все загорелые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

– В обед вы получите суп, – сказал дядя Валнога.

– Здорово! – сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак – тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять – она имела магнитный ободок вокруг донышка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

– Суп, – сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. – Вы можете себе представить, что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. – Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как

тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. – А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

– Вряд ли, – сказал директор рассеянно.

– Ну как же вряд ли! – сказал Валнога. – Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

– Остаток резерва мы уже съели?

– Конечно, съели, – сказал Валнога.

– Значит, и они уже съели, – сказал директор, разгрызая галету. – У них народу вдвое больше, чем у нас.

«Врешь ты, дядя Валнога, – подумал он. – Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего».

Валнога вздохнул и спросил:

– Чай у вас не остыл?

– Нет, спасибо.

– А хлорелла на Каллисто не прививается, – сказал Валнога и опять вздохнул. – Опять они радировали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

– Что ж, надо дать.

– Дать! – сказал дядя Валнога. – Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

– Ничего, – сказал директор. У него вообще не было аппетита.

– Довольно! – сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

– Довольно, слышишь? – сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

– Ты мне подсунула свою галету вчера, – сказал Козлов. – Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

– Не ори на нее, Козел! – гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. – Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя! Дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

– Нет, правда, – сказал Козлов уже спокойнее. – Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

– Неправда, Валя, – сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

– Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

– Эй, Грегор, после работы сыграем?

– Сыграем, – сказал Грегор.

– Снова будешь бит, Вадимчик, – сказал кто-то.

– На моей стороне закон вероятностей! – заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия.

- Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

- Ну! - сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешно поднялись из-за стола.

Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

- Галеты мне захвати, слышишь?

- Если Валнога даст, - сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

- Почему не дать? - сказал дядя Валнога. - Стеценко Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов сказал:

- Товарищ директор, как там с «Тахмасибом»?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

- Пока никак.

Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась «консервная эпидемия». Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе неблизко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это

голод. Может быть, это гибель.

Глава первая

Фотонный грузовик «Тахмасиб»

1. Планетолет подходит к Юпитеру, а капитан ссорится со штурманом и принимает спорамин

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика «Тахмасиб», вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа – водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался нелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компанию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

«Опять они что-то затеяли, – подумал Быков. – И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе».

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длинные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

- Я тебе говорю, ее здесь нет, - сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

- Ты ищи, - сказал задушенный голос Юрковского. - Взятся, так ищи.

- Что здесь происходит? - сердито осведомился Быков.

- Ага, вот он! - сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юрковский, пятясь, выбрался из-под дивана.

- В чем дело? - сказал Быков.

- Где моя Варечка? - спросил Юрковский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

- Изверг! - воскликнул Дауге.

- Без-здельники, - сказал Быков.

- Это он, - сказал Дауге трагическим голосом. - Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!

- Я говорю совершенно серьезно, Алексей, - сказал Юрковский. - Где моя Варечка?

- Знаете что, планетологи, - сказал Быков. - Подите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

- Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок. Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазками и сказал:

– Хорошо поспал, Лешенька?

– Хорошо, – сказал Быков.

– Я принял пеленги с Амальтеи, – сказал Михаил Антонович. – Они там уж так ждут, так ждут... – Он покачал головой. – Представляешь, Лешенька, у них норма: двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно!

«Тебя бы туда, – подумал Быков. – То-то похудел бы, толстяк». Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался – улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

– Вот, Лешенька, – сказал он. – Я составил финиш-программу. Проверь, пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

– Потом проверю, – сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью. – Вводи программу в киберштурман.

– Я, Лешенька, уже ввел, – виновато сказал Михаил Антонович.

– Ага, – сказал Быков. – Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

– Через час выходим на финиш, – ответил Михаил Антонович. – Пройдем над северным полюсом Юпитера... – слово «Юпитер» он произнес с видимым удовольствием, – на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом – последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

– Расстояние считаешь от центра Юпитера?

– Да, от центра.

– Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние до экзосферы.

– Слушаюсь, Лешенька, – сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слипающиеся глаза и пошел вдоль пульта аварийной сигнализации. Здесь было все в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. «Молодчина Жилин, – подумал Быков. – Отлично отрегулировал, малек».

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся. «Молодчина малек», – снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену – кожух фотореактора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками в края пульта и едва заметно отплясывал чечетку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

– Здравствуй, Ваня, – сказал Быков.

– Здравствуйте, Алексей Петрович, – сказал Жилин, быстро обернувшись. Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

– Как отражатель? – спросил Быков.

– Отражатель в порядке, – сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель – самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют «сэйл» – парус. В фокусе параболоида ежесекундно взрываются, превращаясь в

излучение, миллионы порций дейтериево-тритиевой плазмы. Поток бледного лилового пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполинские перепады температур, и мезовещество постепенно – слой за слоем – выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотореактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирующая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

– Так, – сказал Быков, вертя в пальцах ленту. – Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

– Михаил! – окликнул Быков. – Ты знаешь, что первый слой выгорел?

– Знаю, Лешенька, – отозвался штурман. – А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

Оверсан, или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях – как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод. При оверсане между старт-планетой и финиш-планетой находится Солнце – расположение очень невыгодное с точки зрения «прямой космогации». При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и, в довершение всего, корабль, как правило, подходит к финиш-планете с полюса, что неудобно и осложняет посадку.

– Да, – сказал Быков. – Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

– Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша, – сказал он.

– Одну минутку, Лешенька, – сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустил в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульту и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

- Что тебе, Лешенька? - спросил штурман, глядя в свои записи.

- Финиш-программу, - сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

- Сейчас, - сказал он торопливо. - Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

- Лешенька, - сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу. - Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

- Кхе-кхм... - откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. - Так. Опять тэта-алгоритм... - Он сонно устался в записи.

- Принял бы ты, Лешенька, спорамин, - посоветовал штурман.

- Подожди, - сказал Быков. - Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

- Где, где? - спросил он.

- Ты куда летишь? - ядовито спросил Быков. - Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

- Да в чем дело, Леша?

- Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя тритиевый генератор?

- Если ты про горючее, - сказал Михаил Антонович, - то горючего хватит на три таких программы...

Быков проснулся окончательно.

- Мне нужно сесть на Амальтею, - сказал он. - Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

- Подожди, - сказал Михаил Антонович. - Минуточку...

- Ты мне рассчитываешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся. Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

- Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

- Вон! - рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

- Л-лоботрясы, - сказал Быков. - И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

- Не ори, пожалуйста, - возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: - Черт возьми...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшись. Михаил Антонович сказал:

– Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. – Он положил ладошку на кучу листков на столе. – А если ты трусишь, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

– И вовсе незачем так на меня... орать, – сказал Михаил Антонович. Слово «орать» он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал.

Быков тоже остывал.

– Ну хорошо, – сказал он. – Извини, Миша.

Михаил Антонович сразу заулыбался.

– Я был не прав, – добавил Быков.

– Ах, Лешенька, – сказал Михаил Антонович торопливо. – Пустяки. Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, – он стал показывать руками, – в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать-сорок. И очень малы расчетные ошибки.

– Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, – сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатыми кулаками.

- Откровенно говоря, - сказал он, - ни черта я не выспался.

- Прими спорамин, Леша, - убеждающе повторил Михаил Антонович. - Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

- Не люблю я этой химии, - сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. - Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

- А в чем дело, Лешенька? - спросил штурман.

- Опять планетологи, - сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотореактора объяснил:

- Куда-то пропала Варечка.

- Ну? - сказал Быков. - Наконец-то. - Он опять прошелся по рубке. - Дети, престарелые дети.

- Ты уж на них не сердись, Лешенька, - сказал штурман.

- Знаете, товарищи, - Быков опустился в кресло, - самое скверное в рейсе - это пассажиры. А самые скверные пассажиры - это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуй, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

- Дай сразу две таблетки, - попросил он.

2. Планетологи ищут Варечку, а радиооптик узнает, что такое бегемот

- Он меня выгнал вон, - сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

- Значит, она там, - сказал Юрковский.

Он спрыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

- Варечка, жизнь моя, где ты?

- А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? - спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него, вытянув руки по швам.

- Ты убьешь ее! - закричал Юрковский.

- Ее здесь нет, - сообщил Дауге и устроился поудобнее, задрал ноги на спинку дивана. - Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягком.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

- Нет, - сказал он. - В рейсах она любит забираться на стены и потолки. Надо пройти по кораблю и прощупать потолки.

- Господи! - Дауге вздохнул. - И что только не приходит в голову планетологу, одуревшему от безделья! - Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: - Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

- Да, - продолжал Дауге. - Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

- Дурак ты, Григорий, - сказал Юрковский. - Ты паясничаешь, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он уселся на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий залысый лоб его собрался в морщины, черные брови трагически надломились.

- Ну-ну, - сказал Дауге. - Куда она пропадет с корабля? Она еще найдется.

- Найдется, - сказал Юрковский. - Ей сейчас есть пора. А сама она никогда не попросит, так и умрет с голоду.

- Так уж и умрет! - усомнился Дауге.

- Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

- Лопать захочет - придет, - уверенно сказал Дауге. - Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

- Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький черноволосый Шарль Моллар, радиооптик.

- Войдите? - спросил Моллар.

- Вот именно, - сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

- Mais non! - воскликнул он, радостно улыбаясь. Он всегда радостно улыбался. - Non «войдите». Я хотел познать: войтить?

- Конечно, - сказал Юрковский со стула. - Конечно, войтить, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел, задвинул дверь и с любопытством задрал голову.

- Вольдемар, - сказал он, великолепно картавя. - Ви учится ходить по потолку?

- Уи, мадам, - сказал Дауге с ужасным акцентом. - В смысле месье, конечно. Собственно, иль шерш ля Варечка.

- Нет-нет! - вскричал Моллар. Он даже замахал руками. - Только не так. Только по-русску. Я же говорю только по-русску!

Юрковский слез со стула и спросил:

- Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

- Ви мне все шут<и>те, - сказал он, делая произвольные ударения. - Ви мне двенадцать дней шут<и>те. - Он сел на диван рядом с Дауге. - Что есть Варечка? Я много раз слыш<a>лль «Варечка», сегодня ви ее ищите, но я ее не вид<e>лль ни один раз. А? - Он поглядел на Дауге. - Это птичка? Или это кошьяка? Или... э...

- Бегемот? - сказал Дауге.

- Что есть бегемот? - осведомился Моллар.

- Сэ такая лирондэй, - ответил Дауге. - Ласточка.

- О, l'hirondelle! - воскликнул Моллар. - Бегемот?

- Йес, - сказал Дауге. - Натюрлихь.

- Non, non! Только по-русску! - Он повернулся к Юрковскому. - Грегуар говорит верно?

- Ерунду порет Грегуар, - сердито проговорил Юрковский. - Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

- Ви расстроены, Володья, - сказал он. - Я могу помочь?

- Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

- Зачем щупать? - удивился Моллар. - Ви скажите, вид у нее какой есть. Я стану искать.

- Ха, - сказал Юрковский, - хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

- Je ne comprendre pas, - жалобно сказал он. - Я не понимаю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русску?

- Нет, все правильно, Шарль, - сказал Юрковский. - Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване - как диван...

- А когда на Грегуар, она как Грегуар, - сказал Моллар. - Ви все шут<и>те.

- Он говорит правду, - вступился Дауге. - Варечка все время меняет окраску. Мимикрия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикрия.

- Мимикрия у ласточка? - горько спросил Моллар.

В дверь опять постучали.

- Войтить! - радостно закричал Моллар.

- Войдите, - перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

– Извините, Владимир Сергеевич, – сказал он, несколько наклоняясь вперед. – Меня...

– О! – вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру. – Le petit ingénieur! <Маленький инженер! (фр.)> Как жизнь, хороше-о?

– Хорошо, – сказал Жилин.

– Как дев<у>шки, хороше-о?

– Хорошо, – сказал Жилин. Он уже привык. – Бон.

– Прекрасный прононс, – сказал Дауге с завистью. – Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как дев<у>шки?

– Я очень люблю дев<у>шки, – серьезно сказал Моллар. – И всегда интересуюсь как.

– Бон, – сказал Дауге. – Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

– Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через перииовий, почти в экзосфере.

Юрковский вскочил.

– Наконец-то!

– Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

– Спасибо, Ваня, – сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге. – Ну, Иоганыч, вперед!

– Держись, бурый Джуп, – сказал Дауге.

– Les hirondelles, les hirondelles, – запел Моллар. – А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Ви люб<и>те суп, Ванья?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге. Дауге охнул.

– Ого, – сказал Юрковский. – Это метеорит.

– Встань с меня, – сказал Дауге.

3. Бортинженер восхищается героями, а штурман обнаруживает Варечку

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый – прямо с завода – и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились воронеными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик «Тахмасиб» был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин. Юрковский скомандовал:

– Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

– Готов.

- Я тоже готов, - сказал Дауге.

- Михаил, - сказал Юрковский в микрофон. - Скоро?

- Еще полчасика, - слышался сиплый голосок штурмана.

Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

- Опять метеорит, - сказал Юрковский. - Это уже третий.

- Густо что-то, - сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

- Михаил, микрометеоритов много?

- Много, Володенька, - ответил Михаил Антонович. Голос у него был озабоченный. - Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

- Миша, голубчик, - попросил Юрковский. - Замеряй почаще, а?

- Замеры идут три раза в минуту, - отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ слышался голос Быкова: «Можно». - Володенька, - позвал штурман. - Я переключаю на десять

Купить: https://tellnovel.com/strugackie_arkadiy-i-boris/put-na-amal-teyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)